

120506
Т-р по Таганке
Селедце, -1999-29 июля, -с.13

Это все придумал Брежнев в 18-м году

«Таганка»: сбор трупов-2. Разговор на развалинах

Мария Зайонц,
Максим Андреев

М. А. Не знаю, стоит ли об этом говорить, но я чувствую себя виноватым. Летом 91-го на Таганке было вроде бы спокойно. Юрий Петрович давал не слишком приятные для театра интервью в Израиле, и отношение к нему на Таганке менялось соответственно. Но по Москве ходила все больше слухи, намеки. А в интервью, которое я брал у министра Театра 21 августа 91-го, черт меня дернул спросить о Любимове. И Губенко провалил. Он говорил, что Любимов — предатель и прочее. Зимой Любимов приехал в Москву, и я, пробиравшись к нему, увидел совершенно растерянного... и даже не очень здорового человека. Вокруг крутились Глаголин, прочая свита. Что-то испугивались, объясняли. А он и без них заводился с пол-оборота. В каждом углу Любимову мерещилось измена. И он сказал тогда в интервью немало жестких слов, о которых, возможно, впоследствии жалея. «Безработных сейчас и на бирже много. Страна должна прийти через безработицу. Театр не богателся. Если правительство не может пенсионеров обеспечить, то почему я должен обеспечивать людей в полном расцвете сил и энергии.» За это зацепились, вывалили из контекста и тыкали в нос Любимову при каждом удобном случае.

Наверное, не надо было стучаться на одной газетной странице Любимова и Губенко. Но, видит бог, я глядел в обоих случаях все острые углы. Потому что тогда была еще любовь между родными когда-то людьми: за мимикой, как мне казалось, проступали слова, которые ни тот, ни другой, пребывавшие в каком-то шоке, не могли уже произнести. Они как бы запретили себе говорить о том, что их связывало столько лет. Потом все покатилось как снежный ком. И сейчас, конечно, никакой любви нет — только ненависть.

Боюсь, наши коллеги лишь раздували вражду. После знаменитого собрания трупов, на котором Губенко ругался матом, мне стало по-настоящему страшно. О таганковских страстях уже нельзя было не писать, но и называть все своими именами казалось невозможным. Назвать — значило признаться, что Таганка больше нет. Мы в «Независимой» тогда придумали как бы пьесу с абстрактными персонажами: Основатель, Координатор, Очень Известный Актер... Но кухонной сваре слабо превратиться в пьюту.

М. З. Все время, что длился конфликт, я не позволяла себе касаться этой темы. Я работала на Таганке в лучшие ее годы, и обе враждующие группы, как бы ни складывалась жизнь, уже не могут быть не безразличны. Честно говоря, все происходящее до сих пор не укладывается в голову. Зина Славина, фанатичекса, до иступления преданная Любимову, столь же испуганно выступает теперь против него. Тая Жукова и Маша Ползничейко, страстно дружившие более двадцати лет, оказываются в разных лагерях. Любимов, Бог и Учитель, вымывает миллионы, орган ненавистной ему советской власти, чтобы не пустить в театр актеров, в нем еще работающих.

Помню, давным-давно проходило партийно-творческое заседание в Театре им. Ленинского комсомола, и стало известно, что готов приказ о снятии Любимова; помню, как прорывались гуды всем театром, чтобы гудично сказать об этом тайном решении, как не давала слова Любимову, как надеялись все на Колю Губенко и как Губенко все-таки вскакивал посреди зала и это-то такосе выкрикнул... Любимова тогда не сняли, а Губенко вернул документы на квартиру, которую он должен был получить. И как бы теперь с этими воспоминаниями, когда два дня подряд на разных пресс-конференциях я слышу один только обвинения в адрес бывших друзей? Странную пьесу абсурда разыгрывают перед нами, разыгрывают грубо и неталанливо.

Пытаюсь лобызать до причины, найти повод, исток конфликта. В голове все время вертится фраза: «Не на мой ли счет вы грызете ногу, сэр?» Это бессмыслица, это странное деиание, грязый ноготь — единственный повод к убийству (известно, чем кончилась разборка между Монтеки и Капулетти). Так и тут, поводом к конфликту стал теперь уже совершенно мистический контракт, а точнее — проект, ибо на нем стоит одна только подпись Любимова. Вот она перестанет, бумага, с которой все началось. «Если будет назначена

Сегодня в 16.30 должно состояться заседание Московского городского арбитражного суда по иску Театра на Таганке (руководитель Юрий Любимов) к Моссовету. Напомним, что Любимов выступает против решения Малого совета Моссовета о разделе имущества театра и передачи «Содружеству актеров Таганки» (руководитель Николай Губенко) Новой сцены. Любимов заявил, что, если решение суда будет не в его пользу, он покинет страну.

приватизации театра, у меня должно быть право приоритета.» Написано в сослагательном наклонении — «если». Никого не остановило. Известно было, что не Попов решал вопросы о приватизации объектов культуры (кстати, до сих пор не разрешенные), — никого не остановило. Паника поднялась тогда без видимой причины. Похоже, дело было не в контракте —

АНАТОЛИЙ ГАРИН

ГУБЕНКО И ЛЮБИМОВ. А В КОНЦЕ ДОРОГИ ТОЙ...

в атмосфере, в ней стала чувствоваться опасность. Актеры, годями слушавшие без ролей и не рогтанние, внезапно уловили угрозу увольнения. Хотя впрямую ни про кого не было сказано, что именно он будет уволен. Опасность сочилась из воздуха, из слухов и собственных комплексов и стугилась до ненависти. Люди стали зашишаться, строить баррикады, рыть окопы и землянки. И все развернулось так, как развернулось. Интересно, что никто из актеров не решил свою судьбу индивидуально, отдельно от других. Почувствовав свою нужность здесь, никто не попытался уйти в другой театр. Воспитанные, как все советские люди, на коллективизме, зная, что сильны только вместе, они стали сбиваться в стая отверженных, нелюбимых.

М. А. Конечно, команда Губенко имеет право на сцену, на работу. Ведь имеет же сын при разделе имущества с отцом право на какие-то ложки-матрацы. Сын поступает аморально. Чего уж. Но горько более аморально ведет себя пала-Любимов, который не вытаскивает из рук это злосчастный дай. Да, вы великий гений. Ну так сидите и творите новые шедевры. Ну дайте людям возможность умереть, где они хотят. Как бы там ни было, актеры были фанатично вам преданы. Я же помню, как шли в театр любимовские спектакли, когда самого его уже здесь не было. Играли даже не с азартом, но со страстью... Это были сумасшедший завод. Да, по ходу дела подробности отъезда художественного руководителя существенно изменялись в зависимости от настроения вспоминающих. Но Любимова все равно жалко. На его возвращение надеялись, как на чудо. Он приехал — и чуда не случилось. Завой кончился. Вот это был шок. И для него, и для нас.

Мог ли Любимов предположить, строя здание, получившее потом Гостремию (!), что строит себе на месте торьмы фамильный склеп? Это место проклято. Понимают ли борцы, за что борются? За крематорий из красного кирпича. Но эти люди не смогут жить и дышать в другом месте — они отравлены воздухом крематория.

М. З. Советская власть оставила нам страшную болезнь, может быть, самую страшную из всех — вирус борьбы за справедливость. Ужас нынешней ситуации в том, что Театр на Таганке, героически сражающийся с властями за те крупицы свободы, которые мы ловили в тесном зале старой сцены, уже не может остановиться. Не с кем стало бороться, и начали бороться друг с другом. Понять, как разрушительна для человека эта борьба, никто из них не в состоянии.

М. А. И то, что в конфликт теперь втянуты с одной стороны — мэрия (к мэрии и правительству Москвы апеллирует Любимов), с другой — Моссовет (в Моссовет жалуется Губенко), — плу-

тость совершенная, но, впрочем, закономерная. И мэрия, и Моссовет чрезвычайной рады поводу еще раз сразиться друг с другом. Если верить Юрию Петровичу, это уже не внутритеатральный конфликт, а борьба между ампиловцами и всем прогрессивным человечеством. При этом «прогрессивное человечество» — Бугаев, которого Любимов Юрий Петрович поносил и ненавидел, когда жил в Москве, и еще не так давно — после признания еще не так давно — после признания своего возвращения — говорил о нем не слишком почитливо. У Губенко с Моссоветом такая же война. Брак по расчету.

М. З. На словах все апеллируют к творчеству. Губенко много раз повторил, что это актеры хотят только одного — работать. Они просят дать им шанс попробовать стать самостоятельными. Видит Бог, они имеют на это право. Но на вопрос: «А если вам предложить другое здание для работы?» — тот же Губенко, не задумываясь, отвечает: «Нет, это дело принесли. Приняли или — в их трактовке — справедливость оказывается важнее работы. Любимов возмущается, — если отдать новую сцену группе Губенко, уйдут из репертура семь спектаклей; но при этом без какого бы то ни было повода внезапно закрывает театр, отменяет все спектакли, в том числе премьеру «Живого», до решения арбитражного суда.

В этом безнадельном публичном противостоянии, как в опортной игре, наверное, каждый выбирает, за какую команду болеть. За Золотухина или за Филатов? За Жукова или за Ползничейку? Дико звучит. Знаю только, что на месте Губенко я бы искала здание, используя все возможные связи, а на месте Любимова — пустила бы их попробовать. Но каждый остается на своем месте, и изменить что-либо мы не в состоянии, как бы ни изыскили в прессе обе стороны. Уже пошла стенка на стенку, начали делить совместно нажитые ножи и вилки. Один из депутатов Моссовета, действующий в этом конфликте, хладнокровно подтвердил самые страшные мои предположения. На вопрос, что будет, если Любимов не получит решение суда (который, по мнению депутатов, подтвердит юридическую правоту решения Моссовета), он ответил: «Ну что же, в нашей стране любят, когда проливается кровь, так было 19 августа, так было 1 мая...» Это здание Таганки, как когда-то Зимний, видимо, будет брать штурмом. Пригодится опыт «Десяти дней...». И осуществится то, о чем все время говорил Губенко: эти люди заслужили право кончить жизнь в своем театре. Горьдаская законодательная власть к этому вполне готова.

Остается надеяться на чей-то здравый смысл. Пусть только ради того, чтобы не оставаться в истории театра такой позорной след, кто-то должен уступить. Если не благороднейший, то хотя бы сильнейший.

М. А. Я думаю, Любимов с самого начала, когда первый раз уехал, хотел, чтобы театр умер вместе с ним. Он хочет этого и сейчас.

М. З. Ну хорошо. Любимов закроет театр и уедет, а что будет с группой, которая подержала его?

М. А. А на них он, вероятно, точно так же наплюет, как и на тех, кто митинует сегодня у театра.